

Н. ТЕЛЕШОВ

Литературные
Воспоминания

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

ВСТРЕЧИ с А. П. ЧЕХОВЫМ.

I

Я был еще юношей, когда впервые встретился с Антоном Павловичем Чеховым, в то время тоже еще молодым человеком и писателем, только что замеченным. В эту осень вышла его первая книга рассказов «В сумерках», за подписью «Антон Чехов», а не «Чехонтэ», как раньше. Он только что выступил на настоящую литературную дорогу. Тогдашняя критика высокомерно молчала; даже «Ново-Временский» зубоскал, Буренин, критик той же газеты, которая издала книжку, отметил ее появление такими стихами:

„Беллетристику-то — эх, увы!
Пишут Минские да Чеховы,
Баранцевичи да Альбовы;
Почитаешь — станет жаль Бовы!“

Серьезная критика еще не решалась о нем заговорить, но читатели живо интересовались Чеховым и сумели верно понять и оценить его сами, без посторонней помощи.

но Чехов предупредил меня иным, совершенно неожиданным вопросом:

— Вы в стуколку не играете?

— Нет.

— А со мной вот пришел Гиляровский. Жаждет поиграть в стуколку, да не знает — с кем. Вы знаете Гиляровского? Дядю Гиляя?...! Да вот и он! — как говорят актеры в самых бездарных водевилях.

Подошел Гиляровский — познакомились. Он был во фраке, с георгиевской ленточкой в петлице. В одной руке держал открытую табакерку, другой рукой посылал кому-то через всю комнату привет, говорил Чехову что-то рифмованное, но глядел на меня в это время, но меня, кажется, не видел, занятый чем-то иным. Не успели мы и двух слов сказать для первого знакомства, как загремела опять музыка, и меня утащили танцевать.

— Идите, идите. А то на нас барышни будут из-за вас обижаться, — сказал мне вслед Антон Павлович.

На этом, может быть, и кончилось бы наше знакомство, если б Антон Павлович в конце ночи, после свадебного ужина, не подошел ко мне и не позвал с собою:

— Скоро уж утро. Гости раз'езжаются; пора уходить. Мы с Гиляем надумали пойти чай пить, в трактир. Хотите с нами? Скоро теперь трактиры откроются — для извозчиков.

И мы пошли.

Нас было четверо: присоединился к нам еще брат Чехова, Михаил Павлович, в то время — студент. Наняли двух извозчиков и поехали разыски-

вать извозничий трактир. Где-то неподалеку, в одном из переулков, засветились окна трактира. Зимнее морозное утро только что начиналось. Было еще темно.

Трактир был грязный, дешевый.

— Это и хорошо, — говорил Антон Павлович. — Если будем хорошие книги писать, так в хороших ресторанах еще насидимся.

Чехов был в ту пору, как правильно сказано про его внешность, — при несомненной интеллигентности лица, с чертами, напоминавшими простодушного деревенского парня, — с чудесными улыбающимися глазами.

Благодаря тому, что все мы были одеты во фраки, нас принимали здесь за свадебных официантов, окончивших ночную работу, — и это очень веселило Чехова.

Сели за стол, за серую, непросохшую с вечера скатерть. Подали нам чай с лимоном. Но от кусочков лимона сильно припахивало луком.

— Превосходно! — ликовал Антон Павлович. — А вот вы жалуетесь, что сюжетов мало. А это разве не сюжет?

Перед нашими глазами, я помню, была грязная пустая стена, выкрашенная когда-то масляной краской. На ней ничего не было, кроме сала и копоти да на некотором уровне широких, темных пятен: это извозчики во время чаепития прислонялись к ней в этом месте своими курчавыми головами, жирно смазанными деревянным маслом, по обыкновению того времени, и оставляли следы на многие годы.

С этой стены и пошел разговор о писательстве.

— Как так, сюжетов нет? — настаивал на своем Антон Павлович. — Да все сюжет, везде сюжет! Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней, кажется, нет. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь «свое», чего никто еще в ней не находил. И опишите это. И, уверяю вас, хороший рассказ получится. И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть в ней что-нибудь «свое», а не чужое, и не избитое.

— А это разве не сюжет? — указал он в окошко на улицу, где стало уже оветать. — Вон, смотрите, — идет монах с книжкой собирать на колокол... Чего вам еще надобно? Монах... черный весь... Разве не чувствуете, как сама завязывается хорошая тема?... Тут есть что-то трагическое — в черном монахе...

За чаем, который благодаря лимону, тоже припахивал луком, разговор перекидывался с литературы на жизнь, с серьезного на смешное. Между прочим, Чехов уверял нас, что никакой «детской» литературы не существует:

— Везде только про Шариков, да про Барбосов пишут. Какая же это «детская»? Это какая-то «собачья» литература! — шутил Антон Павлович, стараясь говорить как можно серьезнее.

И сам же вскоре написал «Капитанку» и «Белобого».

Гиляровский много острил, забрасывал хлесткими экспромтами, и время летело незаметно. Стало уже совсем светло. Улица оживилась. Мне было хорошо и весело. Даже не весело, а более того —

радостно. Как сейчас вижу молодое милое лицо Чехова, его улыбающиеся глаза. Таким жизнерадостным, как в эту незабвенную первую встречу, я никогда уже, во всю жизнь, Антона Павловича не видал.

II

К молодым писателям Чехов относился всегда благожелательно и ко многим очень сердечно. Всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения.

— Поезжайте в Японию, — говорил он одному. — Поезжайте в Австралию, — советовал другому.

Вспоминается, как встретились мы однажды в вагоне. Встреча была совершенно случайная. Он ехал к себе в Лопасню, где жил на хуторе, а я ехал в подмосковную дачную местность, Царицыно, снимать дачу на лето.

— Не ездите на дачу, ничего там интересного не найдете, — сказал Чехов, когда узнал мою цель. — Поезжайте куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две. Ну, хоть в Азию, что ли. Если времени мало, поезжайте на Урал: природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю и чтоб иметь право сказать себе: ну, вот я и в Азии! А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. Сколько всего увидите, сколько рассказов привезете. Увидите народную жизнь, будете ночевать на глухих станциях, в избах, как в пушкинские времена; и клопы вас будут заедать. Но это хорошо. После

скажете мне спасибо... Только по железным дорогам надо ездить непременно в третьем классе, а то ничего интересного не услышите. Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда по Волге.

Он начал давать практические советы, как будто вопрос о моей поездке был уже решен. На станции Царицыно, когда я выходил из вагона, Антон Павлович на прощанье опять сказал:

— Послушайтесь доброго совета; купите завтра билет до Нижнего.

Я послушался — и через несколько дней уже плыл по реке Каме, без цели и назначения, направляясь пока в Пермь. За Уралом я увидел изумительную жизнь наших переселенцев, почти сказочные невзгоды и тяготы народной, мужицкой жизни. И когда вернулся, у меня был готов целый ряд сибирских рассказов, которые и открыли тогда передо мной впервые страницы толстых журналов.

Прошло немало лет от первой нашей встречи. Мы видались в Москве — то у издателя И. Д. Сытина, то в Докторском клубе, то у него в доме, где он любил угощать горячей картошкой «в мундире», т. е. со шкуркой, и старым крымским «губошинским» кляретом. Бывал Антон Павлович и у меня, на нашей литературной «Среде», которой всегда интересовался и всегда расспрашивал о ней. Видались мы и в Крыму, у него на даче в Аутке, где он был уже серьезно больным и где среди красоты южной природы мечтал о московском сентябрьском дождичке, о березах и елках, об илистом пруде с карасями, о том, как хорошо обдумывать повести свои и пьесы,

глядя на поплавок, и держа в руке удочку... Помню, как в этом ялтинском кабинете мне был вручен именно рецепт в ялтинскую аптеку на порошки от кашля за подписью «доктора А. Чехова». Аптечная сигнатурка у меня сохраняется.

Несмотря на болезнь, Чехов любил всякие шутки, пустячки, приятельские прозвища, и вообще охотник был посмеяться. Помню, как хохотал он у себя в ялтинском кабинете над одним из своих же давнишних рассказов.

Однажды весенним вечером, года за два до смерти, Антон Павлович созвал нас к себе; тут были Горький, Бунин, Елпатьевский, Мамин-Сибиряк и художник Нилус, писавший в то время с него портрет. После ужина, в кабинете, Бунин, или «Букишон», как ласково называл его Чехов, предложил прочитать вслух один из прежних рассказов Чехонта, который А. П. давно забыл. Бунин, надо сказать, мастерски читал чеховские рассказы. И он начал читать.

Трогательно было видеть, как Антон Павлович сначала хмурился: неловко ему казалось слушать свое же сочинение, — потом стал невольно улыбаться, а потом, по мере развития рассказа, буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться.

— Вам хорошо, теперешним писателям, — нередко говорил он, полушутя, полусерьезно: — Вас теперь хвалят за небольшие рассказы. А меня, бывало, ругали за это. Да как ругали! Бывало, коли хочешь быть писателем, так пиши роман, а иначе о тебе и говорить и слушать не станут, и в хороший

журнал не пустят. Это я всем вам стену лбом прошибал для маленьких рассказов.

Вспоминается случайный разговор с одним стариком, крестьянином из Лопасни, где Антон Павлович по деревням никому не отказывал в медицинской помощи. Старик был кустарь, шелкомотальщик, человек, видимо, зажиточный. Сидели мы рядом в вагоне Курской дороги и по-соседски разговорились от нечего делать. Узнав, что он из Лопасни, я сказал, что у меня есть там знакомый.

— Кто такой?

— Доктор Чехов.

— А... Антон Павлыч! — весело улыбнулся старик, точно обрадовался. Но сейчас же нахмурился и сказал: — Чудак-человек! — и добавил уже вовсе строго и неодобрительно: — Бестолковый!

— Кто бестолковый?

— Да Антон Павлыч. Ну, хорошо ли: жену мою ездил лечить; вылечил; потом я прихворнул — и меня лечил. Даю ему денег, а он не берет. Говорю: Антон Павлыч, милый: что ж ты это делаешь-то? Чем же ты жить будешь? Человек ты не глупый, дело свое понимаешь, а денег не берешь — чем тебе жить-то? Подумай, говорю, о себе: куда ты пойдешь, если, неровен час, от службы откажут? Торговать ты не можешь; ну, куда денешься-то? С пустыми-то руками?.. Смеется: — Если, говорит, с места меня прогонят, я тогда возьму и женюсь на купчихе. — Да кто, говорю, за тебя пойдет-то, если ты без места окажешься? Смеется, точно не про него и разговор.

Старик рассказывал, а сам крутил головой и издыхал, а то улыбался. Видно было, что он искренно уважает своего «бестолкового» доктора, только не одобряет его поведения.

— И на язык Антон Павлыч неосторожен: я, говорит, великий грешник и на том свете буду, должно быть, в аду гореть, а ты, говорит, будешь непременно с праведниками, — вот тогда за мое лечение водицы мне на макушку и плеснешь, чтобы не очень пекло, — вот мы и сочтемся за все лечение. Ведь выдумает тоже! Так и не мог никогда денег ему всучить... А вот слов таких надо бы остерегаться, — уже серьезно и со вздохом говорил старик. — Хороший он человек, Антон Павлыч, только трудно ему будет под старость. Не понимает он, что значит жить без расчета.

III.

Говорят, что неотправленные письма нередко бывают интереснее и значительнее отправленных. Если это и не совсем так, или не всегда так, то во всяком случае письмо, подписанное группой известных писателей, хотя бы и неотправленное по адресу вследствие особых причин, может представлять собой документ, не лишенный интереса. Одно из таких неотправленных писем, содержание которого связано с дорогой памятью А. П. Чехова, находилось у меня несколько лет, и о нем знали лишь весьма немногие. Письмо относится к тому далекому теперь времени, когда литературные друзья Чехова готовились к его 25-летнему юбилею. Над составлением письма немало потрудились Леонид Андреев

ь Максим Горький. По мысли инициаторов, под этим текстом предполагалось собрать подписи всей писательской и артистической Москвы, затем передать в Петербург и собрать там таковые же подписи. Бумагу, подписанную виднейшими представителями науки, литературы, художества, музыки, театра, а также общественными деятелями, уполномочены были подать издателю «Нивы» А. Ф. Марксу писатели Гарин-Михайловский и Н. П. Ашешов и добиться от него определенного ответа к моменту юбилейного чествования.

Вот подлинный текст этого письма к Марксу:

«В настоящий момент, когда вся Россия готовится праздновать четвертьвековой юбилей А. П. Чехова, с особенной силой выдвигается вопрос, которым в последнее время болезненно интересуется русское общество и товарищи Антона Павловича. Дело заключается в поразительном и недопустимом несоответствии между деятельностью и заслугами Антона Павловича перед родной страной, с одной стороны, и необеспеченностью его материального положения — с другой.

25 лет работает А. П. Чехов, 25 лет неустанно будит он совесть и мысль читателя своими прекрасными произведениями, облитыми живою кровью его любящего сердца, и он должен пользоваться всем, что дается в удел честным работникам — должен, иначе всем нам будет стыдно. Создав ряд крупных ценностей, которые на Западе дали бы творцу их богатство и полную независимость, Антон Павлович не только не богат — об этом не смеет думать русский писатель — он просто не имеет того

среднего достатка, при котором много поработавший и утомленный человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне. Иными словами, он должен жить тем, что зарабатывает сейчас — печальная и незаслуженная участь для человека, на которого обращены восторженные взоры всей мыслящей России, за которым, как грозный укор, стоит 25 лет исключительных трудов, ставящих его в первые ряды мировой литературы. Совсем недавно, на наших глазах, маленькая страна, Польша, сумела проявить дух великой человечности, щедро одарив Генриха Сенкевича в его юбилейный год, — неужели в огромной России Антон Павлович будет предоставлен капризу судьбы, лишившей его законнейших его прав?..

Нам известен ваш договор с А. П. Чеховым, по которому все произведения его поступают в полную вашу собственность за 75.000 рублей, при чем и будущие его произведения не свободны: по мере появления своего, они поступают в вашу собственность за небольшую плату, не превышающую обычного его гонорара в журналах — с тою только огромной разницей, что в журнале они печатаются раз, а к вам поступают навсегда. Мы знаем, что за год, протекавший с момента договора, вы в несколько раз успели покрыть сумму, уплаченную вами А. П. Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложение к журналу «Нива», должны были разойтись в сотнях тысячах экземпляров и с избытком вознаградить вас за все понесенные издержки. Далее, принимая в расчет, что в течение многих десятков лет вам предстоит

пользоваться доходами с сочинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А. П. Чехов получил крайне ничтожную часть действительно заработанного им. Бесспорно нарушая имущественные права вашего контрагента, указанный договор имеет и другую отрицательную сторону, не менее важную для общей характеристики печального положения Антона Павловича: обязанность отдавать все свои новые вещи вам, хотя бы другие издательства предлагали неизмеримо большую плату, должна тяжелым чувством зависимости ложиться на А. П. Чехова и несомненно отражаться на продуктивности его творчества. По одному из пунктов договора Чехов платит неустойку в 5.000 р. за каждый печатный лист, отданный им другому издательству. Таким образом, он лишен возможности давать свои произведения даже дешевым народным издательствам. И среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложке своей несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем — именем А. П. Чехова.

И мы просим вас, в этот юбилейный год, исправить невольную, как мы уверены, несправедливость, до сих пор тяготеющую над А. П. Чеховым. Допуская, что в момент заключения договора вы, как и Антон Павлович, могли не предвидеть всех последствий сделки, мы обращаемся к вашему чувству справедливости и верим, что формальные основания не могут в данном случае иметь решающего значения. Случаи расторжения договоров при аналогичных обстоятельствах уже бывали — доста-

точно вспомнить Золя и его издателя Фескеля. Заключив договор с Золя в то время, когда последний не вполне еще определился, как крупный писатель, могущий рассчитывать на огромную аудиторию, Фескель сам расторг этот договор и заключил новый, когда Золя занял во французской литературе подобающее ему место. И новый договор дал покойному писателю свободу и обеспеченность.

Для фактического разрешения вопроса мы просим принять наших уполномоченных: Н. Г. Гарина-Михайловского и Н. П. Ашешова.

Федор Шаляпин, Леонид Андреев, Ю. Бунин, И. Белоусов, А. Серафимович, Е. Гославский, Сергей Глаголь, П. Кожевников, В. Вересаев, А. Архипов, Н. Телешов, Иван Бунин, Виктор Гольцев, С. Найденев, Евгений Чириков».

Были все основания считать, что успех переговоров обеспечен, и освобождение Чехова казалось уже почти фактом.

Не вспомню теперь, как именно произошло все это: показали ли Чехову копию письма, или вообще передали ему о предполагаемом обращении к Марксу по поводу его освобождения, но только вскоре выяснилось, что дальнейшие подписи собирать не надо, потому что Антон Павлович, узнав про письмо, просил не обращаться с ним к Марксу. Не ручаюсь за достоверность, но вспоминается мне, что говорилось тогда о таких приблизительно словах Антона Павловича при отказе:

— Я своей рукой подписывал договор с Марксом, и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то значит, я и виноват во всем: я наде-

дал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее.

Тем дело и кончилось. Подлинное письмо с писательскими автографами задержалось и осталось у меня вместе со списком — к кому идти за подписями. Среди этих намеченных лиц значились: В. О. Ключевский, С. А. Муромцев, Ф. Н. Плевако, В. И. Сафонов, А. П. Ленский и многие из тех, кого теперь уже нет на свете. Да и из числа подписавших бумагу выбыла из живых почти половина.

Подлинник этого письма со всеми автографами я передал в свое время в Чеховскую комнату при Публичной библиотеке имени Ленина, где он теперь и находится.

IV.

Последняя наша встреча была в Москве накануне отъезда Чехова за границу. Случилось так, что я зашел к нему днем, когда как раз в квартире не было никого кроме прислуги. Перед отъездом было много всяких забот, и все близкие люди хлопотали без устали.

Я уже знал, что Чехов очень болен; вернее, очень плох. И решил занести ему только записку, чтобы не тревожить его. Но он велел догнать меня иворотил с лестницы.

Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидал, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький человек, с узкими плечами, с узким бескровным

лицом — до того был худ и изнурен Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться.

Жутко мне стало... А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Он сказал более жесткое слово, которое резнуло меня и которое не хочется сейчас повторить.

— Умирать еду. Все кончено... Поклонитесь от меня товарищам вашим по Среде... Хороший народ у вас подобрался... Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю... Пожелайте им от меня счастья и успеха. Больше уже не встретимся.

Тяжело было глядеть в его глаза, в которых отражалась тихая сознательная покорность.

— А Бунину передайте, чтобы писал и писал... Из него большой писатель выйдет... Так и скажите ему это от меня. Не забудьте.

Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. И потому было действительно жутко. Я боялся заговорить в эти минуты полным голосом, боялся зашуметь сапогами. Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те немногие слова, которые были, несомненно, для меня последними, и исходили от чистого и прекрасного — чеховского сердца.

На другой день он уехал. А месяца через два в Баденвейлере, вечером 15 июля нового стиля, когда средства борьбы были уже исчерпаны, доктор велел дать больному шампанского. Но ведь больной был сам доктор и понимал значение этой меры. Он сел и как-то значительно и громко сказал доктору по-немецки: «Я умираю». Потом взял бокал, повернулся лицом к жене и с улыбкой проговорил последние слова в жизни: «Давно я не пил шампанского».

По словам жены, он покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навеки. Наступившую жуткую тишину ночи нарушала только ворвавшаяся в окно большая черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате.

Когда ушел доктор, среди полной тишины и духоты летней ночи вдруг с страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского...

Начинало светать... Вскоре запели утренние птицы...

А затем — торжественные проводы иностранцев и казенное принятие на границе гроба русскими властями, неизвестными даже с именем Чехова... Непростительное, грубое и дикое назначение «вагона для устриц», в котором с такой надписью и прибыло в Петербург тело писателя, почти без всякой встречи, благодаря перепутанным телеграммам. И только на другой день, уже в Москве — огромные толпы народа, залрудившие всю вокзальную площадь, переполненные платформы депутациями с венками и цветами, сказали первое общественное

слово о значительности потери. Как близкого, как любимого и родного, всей Москвой встретили мы и проводили Чехова до его могилы в Новодевичьем монастыре. И вот уже десятки лет прошли с той поры, а имя Чехова не бледнеет, а становится все более и более славным и не только на родине, среди нас, но и в мире.

Комментарий

Несмотря на молчание критики – эти сведения о сборнике «В сумерках» не точны. Книга вышла в августе 1887 г. и уже с сентября этого года в газетах и журналах появились рецензии. 28 сентября 1887 г. Чехов писал М. В. Киселевой: «Рецензии о себе читаю почти ежедневно...» Приведенное четверостишие В. П. Буренина не относилось к сборнику «В сумерках». Эту книгу Чехова Буренин оценил высоко: «Почти в каждом его рассказе свежий, яркий и оригинальный талант бьет ключом, и автор неистощим и разнообразен в своем творчестве» (Новое время. 1887. 23 сентября. № 4155).

«Пестрые рассказы» – название сборника рассказов А.П. Чехова 1886 года.

Не отсюда ли вышел впоследствии известный рассказ «Свадьба» и затем водевиль на ту же тему?.. – предположение Н. Д. Телешова неосновательно, так как рассказ «Свадьба» был напечатан в «Осколках» 15 декабря 1884 года, а в доме Клименкова на Якиманке, который имеет в виду Телешов, Чеховы жили с декабря 1885 года.

...на свадьбе у Белоусова. – Свадьба И. А. Белоусова состоялась 10 февраля 1888 года.

...только что собранные в первую книжку. – К этому времени вышли четыре книжки рассказов Чехова: «Сказки Мельпомены» (1884), «Пестрые рассказы» (1886), «Невинные речи» (1887), «В сумерках» (1887).

Григорович ~ однажды сам пришел к Чехову – познакомиться с ним... – Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – старший современник Чехова, первый известный писатель, увидевший в рассказах Антоши Чехонте большой, настоящий талант. Чехов познакомился с Григоровичем в декабре 1885 года, когда впервые приехал в Петербург. В гостях у Чехова бывал позднее.

... написал «Каштанку» и «Белолобого». – Рассказ «Каштанка» в это время был уже напечатан под названием «В ученом обществе», рассказ «Белолобый» появился только в 1895 году.

Последняя наша встреча была в Москве, накануне отъезда Чехова за границу – А.П. Чехов пробыл в Москве с 3 мая по 3 июня 1904 года и жил по адресу: Леонтьевский переулок, д. 24.